

ческого разума», прямо восходит к этому кругу идей: «Южные страны Азии прежде других земель видели первую зарю просвещения. ... Оттуда основания искусств перенесены в Грецию. ... Греки сохраняют над покорителями своими (римлянами, — *И. Ф.*) свое влияние, которое дает превосходство просвещения. Их философия и письмена распространяются по вселенной с оружием римлян. Во время Августова человеческого разум достиг вторично высоты своего совершенства. Империя римская рушилась огромною и веками развращения. Просвещение было везде подавлено, разум ожесточен и презрен. ... Векам должно было уврачевать приключенное зло. ... Крестовые походы достигли несовершенно предполагаемой цели; но они имели нечаянное влияние на нравы и состояние общества в Европе. Усыпленный разум человеческого рода стал чувствительно пробуждаться. Писания Августова века были извлечены из праха, и Петрарк с благоговением читал Вергилия. XII век можно поставить точкою, до которой продолжалось унижение человеческого разума и с которой началось обратно постепенное возвышение оного» (II, 276—279).

Муравьев сохраняет идею поступательного в целом хода исторического развития, однако вслед за рядом энциклопедистов отходит от представления о Греции как об единственном очаге цивилизации и отмечает преемственность азиатских и европейских культур.²⁰

Кроме того, Муравьев не рассматривает Средние века как период непроглядного мрака, смыкаясь с теми из просветителей, которые, как, например, Жокур, «полагали, что уже с XII в. в Европе начался новый подъем».²¹ Но эти существенные уточнения не меняют главного — того, что мировая история рассматривается как движение «разума», «просвещения», хотя и в своеобразном диалектическом преломлении (разум распространяется независимо от субъективных человеческих желаний, благодаря объективным обстоятельствам — «нечаянно» или «с оружием римлян», что только подчеркивает неизбежность самого процесса его распространения).

В одной из черновых записей Муравьев еще раз вступил в полемику с Руссо, выразив прямое несогласие с точкой зрения, ограничивающей беспредельность прогресса: «Приписывать совершенству письмен и наук падение государства кажется все равно, что принимать обстоятельство за причину. Рассуждая таким образом, утверждать бы можно было, что достижение совершеннолетия есть причина смерти человека».²²

²⁰ См.: Люблинская А. Д. Историческая мысль в Энциклопедии. — В кн.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978, с. 246, 251.

²¹ Там же, с. 240.

²² ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 39, л. 98. Эта мысль показалась Муравьеву настолько важной, что он еще раз записал ее в другой тетради (см. № 28, с. 34).